

Результаты еженедельного контроля вывесили быстро: Го Чжэнь просто прикрепил список к доске в конце кабинета.

Нин Си, как обычно, не пошёл толпиться у стенда. Впрочем, дубликат ведомости попал в руки учебному комиссару, а тот, видимо не желая таскать лишнюю бумажку, перепоручил её Нин Си.

Опустив взгляд на строчки, Нин Си упёрся в собственную фамилию: последнее место в классе, 377 баллов и 738-я строчка в общешкольном рейтинге.

Он насупился.

«Чёрт, как так-то? Опять перебрал...»

С точными науками сбрасывать баллы труда не составляло: есть эталонный ответ, либо верно, либо нет, так что математику с естествознанием он сдал идеально — ровно на тот плинтус, на который и рассчитывал. А вот с языками, особенно с сочинениями, угадать сложно: слишком велик человеческий фактор.

Но девяносто два балла по английскому... Это же надо! На бланке ответов он намеренно завалил больше пятидесяти очков — это сколько же ему за эссе отвалили?

То ли из-за духоты, то ли кондиционер в кабинете со своей задачей не справлялся, но Нин Си вдруг почувствовал, как по телу разливается липкий жар, а затылок заливают тяжёлая, нарастающая пульсация.

Голова налилась свинцом. Засунув ведомость в стол, он потёр виски и прикрыл глаза ладонью.

С английским у него всегда было отлично — с самого детства. Способные к языкам обычно делятся на две категории. Первые — зубрилы-трудоголики: знают наизусть каждую грамматическую сноску, помнят тонны лексики и для любого ответа могут выдать целую лекцию с причинно-следственными связями. Вторые — «интуиты». Им достаточно бегло пробежать глазами текст, чтобы выбрать верный вариант: они не набивают руку на правилах, но стабильно получают высший балл.

Нин Си относился как раз ко вторым.

И именно поэтому он понятия не имел, как написать паршивое сочинение.

За окном не замолкая стрекотали цикады. Палящее солнце выжгло малейший намёк на ветерок, запечатав воздух плотным, раскалённым маревом.

«Кажется, тепловой удар подхватил», — мелькнуло в голове, но Нин Си не придавал этому значения.

Он снова скользнул взглядом по ведомости. Предпоследнее место в классе и шестьсот девяносто восьмое по школе.

Оценка за английский — шестьдесят девять баллов.

Проследив пальцем от цифр к имени, Нин Си ткнул ручкой в плечо Ху Янцая:

— Слушай, а где сидит Ван Цюся?

— Цюся? — Учебный комиссар оглянулся. — А вон, в четвёртом ряду, вторая спереди.

— Понял, спасибо.

Поднявшись, Нин Си прошёл между рядами к указанному месту.

На второй парте сидела хрупкая, бледная девушка без очков. На её носу темнели редкие веснушки, а сама она удручённо вздыхала, разглядывая испещрённый красными чернилами бланк.

Нин Си слегка постучал пальцами по краю её стола:

— Извини, ты Ван Цюся?

Девушка подняла голову и, столкнувшись взглядом с Нин Си, невольно подалась назад.

Лицо у него, конечно, было невероятное. Когда он не паясничал и не устраивал представлений, от него веяло отстранённой, прохладной меланхолией — эдакая породистая ленивая усталость, перед которой редкая девчонка могла устоять.

Ван Цюся аж дыхание затаила от такой живописности.

— Да, это я... — пролепетала она. — А что-то случилось?

Нин Си мягко улыбнулся:

— Не подскажешь, как ты пишешь сочинения по английскому?

— А? — Девушка от неожиданности растерялась и смущённо опустила глаза. — Но у меня... у меня ведь с английским плоховато. В классе полно ребят, у кого отличные оценки, лучше спроси у них...

— Ну зачем ты так? — перебил её Нин Си. — Ты вообще-то в рейтинге выше меня сидишь. А у меня баллы — полный мрак, надо же хоть с чего-то начинать. У наших местных гениев лексика слишком заумная, я такое не потяну, а вот твои шаблоны должны быть простыми и понятными. Поделишься структурой?

Он чуть приподнял пушистые ресницы, посмотрев на неё снизу вверх:

— Ну пожалуйста, выручи.

Ван Цюся чувствовала, что теряет голову. Как этот Омега ухитрялся мгновенно переключаться от сногшибательной привлекательности к чистому обаянию?!

— Да-да, конечно! Сейчас найду! — Её щёки вспыхнули густым румянцем. Засуетившись, она выудила из стола тетрадь. — Только у меня почерк так себе... ты уж не обессудь...

— Ты о чём? Почерк отличный, всё предельно чётко, — заверил её Нин Си, принимая листы. И тут же непринуждённо добавил: — Кстати, а бланка с самой работой у тебя под рукой нет? Свой я куда-то задевал, хотел сравнить. Я буквально на минутку, сразу верну.

— Ой, да, держи!

Нин Си быстро пробежал глазами работу.

Аудирование у Ван Цюся шло вполне сносно, а вот тесты и эссе провалились с треском. За сочинение из двадцати пяти баллов ей впилили едва ли семь — сплошные грамматические катастрофы и корявые фразы.

— Спасибо огромное, — пробормотал он, жадно впитывая структуру её текста.

Было, конечно, не совсем красиво использовать чужую неудачу, но ему действительно требовалось наглядно понять, из чего конструируется откровенно слабая работа.

Остаток утра прошёл за разбором ошибок.

Чем ближе подбирался полдень, тем беспощаднее палило солнце, накаливая оконные стёкла и превращая класс в душную теплицу.

Взвесь раскалённого воздуха, непрерывный стрекот цикад и шелест платановых листьев сливались в назойливый, раздражающий гул.

Нин Си мутило. Неприятное состояние, толком и не опишешь: последнее время на него всё чаще накатывала странная слабость, головокружение, а иногда по коже пробегала колкая, будто от сотен иголок, волна.

Дотянув до обеденного перерыва, Ху Янцай подошёл к его парте:

— Нин Си, я в столовую за жареной лапшой. Пойдёшь со мной?

Нин Си распластался по столешнице, не в силах поднять головы:

— Пасиб, я пасс... Голова раскалывается, прилягу. Прихватишь мне сэндвич, если не сложно?

— Без проблем, — согласился комиссар. — Тогда отдыхай, а то после обеда пробник писать.

Нин Си, не поднимая лица, вяло махнул ему рукой.

Кабинет быстро опустел.

Из кондиционера по-прежнему дул прохладный воздух, но Нин Си раздирал внутренний пожар — тело горело так, будто его бросили в печь.

И снова накатил этот паралич: разум всё понимал, но мышцы отказывались повиноваться, блокируя любые попытки подняться.

В коридорах царила тишина — ученики разбрелись по столовым и буфетам.

Сун Ицзэ всё утро провёл не на уроках: преподаватель по олимпиадам, учитель Сюй, утащил его в лаборантскую решать конкурсные задачи. Выбравшись из кабинета, Ицзэ бросил взгляд на часы и понял, что обеденный перерыв в самом разгаре.

Решив перекусить в школьном магазинчике, он направился к лестнице. Но проходил мимо кабинета седьмого класса и неосознанно бросил взгляд через дверной проём.

Нин Си ничком лежал на парте, словно крепко спал.

«Он что, пропустил обед? — нахмурился Сун Ицзэ. — Утром крошками перебился, а теперь вовсе голодать решил? Святым духом питается, что ли?»

Затормозив, Ицзэ подошёл ближе.

Нин Си был без куртки. Его длинные, бледные руки лежали на столе, а поток холодного воздуха из кондиционера бил прямо в него, взъерошивая волосы.

«Простынет ведь».

Ицзэ одёрнул себя — не слишком ли много внимания он уделяет чужому человеку? Но, списав всё на банальную заботу об однокласснике, перешагнул порог, намереваясь хотя бы заставить Нин Си накинуть олимпийку.

Однако едва он вошёл в кабинет, как в воздухе вильнул сладковатый, густой шлейф.

В классе стоял концентрированный аромат мяты и белого чая. Но если раньше этот запах был свежим и легким, то сейчас затапливал помещение густой, почти приторной волной — так феромоны выплескиваются наружу, когда организм судорожно пытается справиться с болью.

Нин Си застыл в неестественной позе: глаза крепко зажмурены, губы полураскрыты, дыхание рваное, неровное, а на лбу блестит мелкая испарина.

Ицзэ мгновенно оказался рядом:

— Нин Си? Нин Си, ты меня слышишь? Что с тобой?

Парень отозвался не сразу. Лишь спустя пару секунд его веки тяжело приподнялись, и мутный взгляд упёрся в подошедшего:

— А... ты чего тут?..

От концентрированного запаха Омеги у самого Ицзэ сладко и опасно потянуло внизу живота. Подавляя животный инстинкт, он с трудом сохранял хладнокровие:

— У тебя феромоны зашкаливают, ты хоть чувствуешь?! Где твой блокирующий пластырь? Я же предупреждал, что нельзя без него ходить!

Нин Си выдавил из себя тень ухмылки:

— Заучился... забыл...

Он сунул дрожащую руку в стол, нащупывая упаковку:

— Сейчас... сейчас наклею...

Достав белую полоску, Нин Си заколебался. Сун Ицзэ уже протянул руку, чтобы помочь, но Омега вдруг вяло качнул головой:

— А, точно... Ты же сам говорил: Альфам нельзя клеить подавители Омегам. Я сам...

Кое-как содрав защитную плёнку, он слепо шлёпнул пластырь себе на затылок.

Рука Ицзэ так и застыла в воздухе.

«Что за хрень? — пронеслось в голове. — Я реально собирался прикоснуться к его железе?»

Чёртовы феромоны. Это всё биология.

Сделай глубокий вдох. Сдерживайся.

— Вставай, я отведу тебя в медкабинет, — произнёс Ицзэ строгим, отчеканенным тоном. — Тебе плохо.

— Опять медкабинет... — пробормотал Нин Си, хотя голос его заметно дрожал. — Я хоть один день без врачей проживу? Всё нормально... сейчас отпустит... После обеда ж пробник...

Он попытался повернуть голову, но от боли поморщился и, потеряв контроль над языком, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Если тебе так меня жалко... лучше дай обнять.

«Жалко»?

Сун Ицзэ аж опешил. Что за дурацкое слово?

Курс анатомии и физиологии Ицзэ, разумеется, проходил, но специфика организма Омега оставалась для него теорией. Он понимал: это не гон. Это вторичная дифференциация. Позднее созревание в таком возрасте — штука крайне болезненная и опасная.

Ему правда настолько больно?

Прежде чем Ицзэ успел осмыслить эту мысль, Нин Си подался вперёд и уткнулся лбом прямо ему в грудь.

Плотный, благородный аромат уда и терпкого цитруса действовал лучше любого анальгетика. Нин Си совсем потерял связь с реальностью. Уютно примостившись у него на груди, он еле слышно прошептал:

— Сун Ицзэ... от тебя так классно пахнет...

У Ицзэ моментально вспыхнули кончики ушей. Он прижал кулак к губам, чувствуя, как сердце срывается в бешеное, ритмичное соло.

Почувствовав, что его не прогоняют, Нин Си решил дожать ситуацию: обвив руками запястье Альфы, он невнятно пробормотал:

— Ну чё ты застыл... Оба парня, чего стесняться-то...

У Ицзэ слова застряли в горле. Но глядя на бледное, залитое потом лицо, на зажмуренные от боли глаза, он тишину рассек тяжёлым вдохом.

Парень действительно страдальчески корчился.

А в груди у самого Ицзэ набатом колотилось сердце.

Он сдался.

В учебниках писали: феромоны совместимого Альфы способны снимать первичные симптомы при дифференциации.

Смирившись, Ицзэ осторожно опустил ладонь на вздрогнувшую лопатку Нин Си и аккуратно, едва ощутимыми порциями, начал высвобождать свой аромат.

Тяжёлые древесные ноты с легким оттенком цитрусовой горчицы сработали подобно уколу седативного. Боль начала отступать, а наклеенный пластырь наконец запечатал реактивный фон.

Напряжение, сковывавшее черты Нин Си, заметно спало, дыхание выровнялось.

Ицзэ облегчённо перевёл дух.

И только тут до него дошёл весь сумасшедший контекст происходящего.

Он стоит на одном колене перед партой, а Нин Си всем телом прижимается к нему, судорожно вцепившись пальцами в его запястье.

«Мать твою...»

Если сейчас кто-нибудь войдёт — доказывать, что это была «первая медицинская помощь», будет бесполезно.

И словно в подтверждение наихудших опасений, передняя дверь класса с грохотом распахнулась.

В кабинет вихрем ворвался какой-то Бета, крича прямо с порога:

— Твою ж мать, карточку для столовки забыл!

<http://bllate.org/book/20373/2151396>